

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
К66

Корелли, Мария.

К66 Варавва. В кругу Иисуса Христа : [перевод с английского] / Мария Корелли. — Москва : Алгоритм, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-907120-65-5

К выходу фильма «Варавва» 25 апреля 2019 года.

Книга «Варавва» английской писательницы Марии Корелли — художественный рассказ о судьбе евангельского разбойника Вараввы, освобожденного на суде Пилата вместо Иисуса Христа. Драма двухтысячелетней давности, повлиявшая на историю всего человечества, описанная в книге, открывает перед нами картину, разыгравшуюся в Иерусалиме, во всех ее пугающих красках. Как выглядели события с точки зрения Вараввы? Как он был связан с Иудой и какая роль ему была уготована в жизни Христа? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге.

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-907120-65-5

© Корелли М., 2019
© ООО «Агентство Алгоритм», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Мария Корелли

ВАРАВВА

В КРУГУ ИИСУСА ХРИСТА

Редактор *Е. Мигунова*
Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

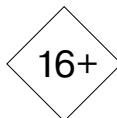
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 11.04.2019.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907120-65-5

Мария Корелли

ВАРАВВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Догорал длинный, знойный южный день.

Тяжелая жара была невыносима. Земляные полы тюрьмы источали ядовитое зловоние, отравлявшее небольшое количество проникавшего с воли воздуха. Царил глубокий мрак. Только тонкий светящийся лучик — скромный посланник пышущего жаром солнца — пробивался в одну из камер через небольшое отверстие вверху. Но свет раздражал узника, и он с проклятиями отворачивался, закрывал лицо скованными руками, кусая губы в бессильной злобе, пока рот не наполнялся кровью.

И хотя арестант часто впадал в такую ярость и смотрел на солнечный луч, мечом резавший плотный тюремный мрак, как на заклятого врага, светящийся столбик был не бесполезен узнику: по нему он судил о времени. Когда луч появлялся — начинался день, исчезал — и ночь вступала в свои права.

Существование в каменном мешке было мукой, каждый новый день не приносил ничего хорошего — заканчиваясь он оставлял обитателя подземелья в еще большем, чем вчера, животном отупении. Но слепящий глаза свет мучительно напоминал о внешнем мире и не давал окончательно забыться. Заключенный здесь человек выдержал бы сияние яркого восточного солнца в открытом пространстве — никто не бросит такого смелого взгляда на огненный шар, царящий в синеве неба! Но в смрадной темнице эта тоненькая струйка света, излучаемого дневным светилом, казалась узнику воплощением вызова и зол насмешки. Корчась на подстилке из грязной, трухля-

вой соломы, он отодвигался подальше, в темноту, проклиная и судьбу, и людей, и Бога.

Он был не один. В угол, где он ежился, как дикий, зверь, была вмурована железная решетка, граничащая с таким же каменным мешком. Через эту решетку к нему тянулась изможденная, грязная рука. Пошарив в темноте, рука наконец нашла и потянула край его рубища; слабый хриплый голос позвал:

— Варавва!

Он повернулся быстрым, гневным движением. Цепи его зазвенели.

— Чего тебе?

— Про нас забыли, — простонал жалобный голос. — Я умираю от голода и жажды и проклинаю тот час, когда связался с тобой...

Варавва молчал.

— Ты помнишь, — продолжал тот же голос, — какое сегодня число?

— Не все ли равно, — отозвался Варавва, — месяцы или годы прошли с тех пор, как нас сюда заточили... А ты знаешь?

— Восемнадцать месяцев прошло со дня убийства фарисея, — ответил сосед. — Сейчас идет пасхальная неделя.

Варавва не выразил ни удивления, ни интереса.

— Помнишь ли ты обычай Пасхи? — продолжал невидимый собеседник. — Один преступник, выбранный народом, должен быть отпущен на свободу! Ах, если бы это был кто-то из нас! Если невинность — заслуга, то выбор падет на меня. Бог моих отцов свидетель, что мои руки не запачканы кровью... Я фарисея не убивал... Немного золота — вот все, что я хотел...

— И разве ты его не взял? — прервал его Варавва. — Лицемер! Разве не ты ограбил фарисея, сняв с него все, до последнего украшения? Тебя схватили, когда ты зубами

рвал с его руки золотой браслет. Не прикидывайся невинной овечкой! Ты — злейший вор в Иерусалиме!

За решеткой послышалось рычание разъяренного зверя. Затем после некоторого молчания опять раздался стон.

— Весь день без пищи! И ни капли воды! Я скоро умру! Умру в темноте и смраде!

Стенания переходили в визг.

— Туда тебе и дорога! — устало сказал Варавва. — Зато каждый, кто имеет золото, может спать спокойно!

— Ты демон, Варавва!

Через решетку просунулась сжатая в кулак рука. Потом бледное, искаженное злобой лицо притиснулось к прутьям.

— Клянусь, я буду жить хотя бы для того, чтобы дожидаться того часа, когда тебя поведут на казнь!

Варавва молча отодвинулся подальше от злобного соседа и, глянув вверх, облегченно вздохнул: ослепительно-золотое сияние сменилось мягким красноватым светом.

— Закат солнца, — бормотал он. — Вот час, который она любит! Она пойдет с рабынями к колодезю и будет отдыхать и веселиться, а я... я... О Бог мести! Я никогда не увижу ее лица! Полтора года в этой могиле и никакой надежды на избавление!

Узник резко встал, и голова почти коснулась потолка темницы. Кандалы снова напомнили о себе громким бряцанием. Поставив голую ногу на выступ стены, Варавва приник к щели, откуда пробивался горячий свет заходящего солнца, но мало что было видно ему — огороженная небольшая площадка сухой, выжженной земли, да одинокая пальма с чахлыми листьями. Пристально вглядываясь, он старался различить что-то в туманной дали, но истомленный долгим вынужденным постом, не смог удержаться и опустился на землю, продолжая мрачно следить за розовым отблеском солнца на полу.

Этот свет падал и на его лицо, оттеняя нахмуренные брови и темные негодующие глаза, освещал голую грудь и блестел на массивных железных наручниках.

Всклокоченные волосы и спутанная борода делали узника похожим на дикого зверя. Он был почти раздет: бедра опоясывал кусок полуистлевшей ткани, подвязанной грубой веревкой. Хотя было очень жарко, узник дрожал в этом душном мраке и, уронив голову на колени, пристально и упорно, как филин, смотрел на солнечный луч, который с каждой минутой бледнел, угасая. Днем луч был ярко-красный («Как кровь убитого мной фарисея», — со зловещей улыбкой подумал Варавва), теперь же он стал бледно-розовым, как румянец зардевшейся красивой женщины.

От этого сравнения узник содрогнулся и до боли сжал руки.

— Юдифь, Юдифь! — прошептал он. — Дорогая Юдифь!

И, прижавшись лбом к скользкой стене, замер, как каменное изваяние.

Последний отблеск солнца пропал, и темная мгла укрыла все. Ни один звук, ни одно движение не выдавали присутствия человеческого существа в этом ужасном месте. Только изредка слышался шорох пробегающих по полу мышей, и снова воцарялась тишина — глубокая, мертвая...

А небеса облакались в свое ночное величие. Просыпаясь, звезды белыми, хрупкими лилиями выплывали в необъятное, темное, словно гладь озера, пространство.

Но в щель темницы была видна лишь одна маленькая звездочка. Показавшаяся на горизонте серебристая луна еще не заглянула в тьму камеры, чтобы сочувственным бледным светом озарить заключенного. Одинокий и невидимый, он боролся с физическим и нравственным недугом. Стена, на которую он опирался, была обильно полита слезами.

Глава II

Медленно тянулось время... Вдруг ночную тишину прервал какой-то неясный шум. Он, как прилив моря, начинался издалека и, приближаясь, зловеще гудел, делался все громче и громче, ударялся о стены темницы и отражался от них, умноженный эхом...

Уже были различимы отдельные голоса, топот множества ног и лязг оружия. Хрипло спорили, свистели, кричали.

Язвительный, с издевкой, голос спросил:

— Скажи, Пророк, кто Тебя ударил?

Раздался оглушительный смех, визг, гиканье, улюлюканье. Потом толпа ненадолго угомонилась, притихла в ожидании конца спора, возникшего между начальниками.

Через несколько минут гул возобновился и медленно покатился мимо тюрьмы, постепенно замирая, как удаляющиеся раскаты грома.

Но пока он был рядом, в подземелье загремели цепи, скованные руки слабо застучали о решетку, и голос, говоривший прежде, опять позвал:

— Варавва!

Ответа не последовало.

— Варавва, ты слышал проходящую толпу?

Снова молчание.

— Варавва! Собака! — сосед яростно заколотил по решетке. — Ты глух к хорошим вестям! В городе мятеж! Долой закон! Долой тирана! Долой фарисеев! Долой всех!

Он рассмеялся. Смех его походил на хрип.

— Нас освободят! Свобода! Подумай, Варавва! Тысяча проклятий тебе! Ты спишь или умер!

Но он напрасно бил кулаками по решетке. Варавва был нем.

Луна, между тем подкатившаяся к середине небосклона, заглядывала в каменный мешок и окутывала призрачным светом фигуру неподвижного Вараввы.

— Варавва! — раздраженный, слабый голос соседа стал сильнее от злобы. — Ты не внимаешь хорошим вещам, так слушай же плохие! Послушай твоего друга Ганана, который лучше тебя знает коварство женщин! Зачем ты убил того фарисея? Он говорил правду... Ты — глупец! А твоя Юдифь...

Позорное слово не успело слететь с его языка. Безучастный до сих пор Варавва внезапно и молниеносно, как лев, кинулся к Ганану, схватил его через решетку за руку и стиснул с такой бешеной силой, что чуть не сломал.

— Еще раз произнеси это имя, и я вырву твои разбойничьи руки и оставляю для воровства одни плечи!

Лицом к лицу, почти невидимые друг другу, они яростно боролись. Наконец, страшно крича от боли, Ганан высвободил руки и рухнул в темноту камеры. Тяжело дыша, Варавва бросился на свою грязную подстилку.

— Что если это правда? — Он скрежетал зубами, каждая его жилка билась в нервном напряжении. — Вдруг вся красота Юдифи — только искусная маска, за которой скрывается коварство и подлость? О Бог, тогда она в тысячу раз хуже меня!

Уронив голову на руки, влюбленный узник старался разрешить загадку собственной натуры, своих страстей, сильных и неукротимых. Но это было так трудно, что понемногу его мысли стали рассеиваться, и он впал в забытие, сладостное после недавней сердечной боли. Сжатые в кулаки ладони раскрылись, дыхание стало ровным, и, вытянувшись во весь рост, он заснул.

А ночь торжествовала. Луна и звезды спокойно следовали своим законам; молитвы разных людей, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии, подни-

мались от земли к единому для всех небу. Молитвы о милосердии, прощении и благоденствии для того человечества, которое само не обладало ни милосердием, ни умением прощать?

С волшебной быстротой темные небесные своды стали бледно-серыми, — луна тихо скрылась, и звезды погасли одна за другой, как лампы после праздника.

Наступило утро.

Варавва продолжал спать, повернувшись в сторону проникающего в тюрьму утреннего света, и тихая улыбка сменила прежнюю суровость его лица. Над нечесаной густой бородой виднелся нежный изгиб губ. Отпечаток былой степенной красоты лежал на широком лбу и закрытых глазах. Этого спокойно спящего не раскаявшегося преступника можно было принять за невинную жертву жестокой судьбы.

В наружном дозоре тюрьмы зашумели, задвигались. Варавва сначала слышал это сквозь сон, но шум все усиливался, и арестант нехотя открыл глаза и приподнялся на локте. Прислушавшись, он различил бряцание оружия и мерные шаги людей. Пока он вяло размышлял, что бы это могло значить, звуки приблизились и наконец затихли у его камеры. Повернулся ключ в замке, со скрежетом отодвинулись огромные засовы, дверь распахнулась, и хлынул такой яркий свет, что узник невольно поднял руки к глазам, словно защищая их от удара. Моргая, как ночная птица, он привстал. Перед ним стояла группа сверкающих металлом доспехов римских солдат, во главе которых был офицер. Рядом стоял тюремщик.

— Выходи!

Варавва смотрел сонно, непонимающе. Вдруг за решеткой раздался визгливый крик:

Я тоже!.. Я невиновен! Отведите и меня в суд! Будьте справедливы! Не я убил фарисея, а Варавва! Не оставляйте меня здесь!

Никто не обращал внимания на эти вопли. Офицер повторил, глядя на Варавву.

— Выходи!

Очнувшись наконец, тот приложил все усилия, чтобы исполнить приказание, но мешали тяжелые цепи. Видя это, офицер отдал распоряжение солдатам, и через несколько минут оковы с ног арестанта пали.

Ганан продолжал вопить.

Оглянувшись на стражу, Варавва слабым голосом сказал:

— Прошу вас, дайте воды и пищи этому человеку...

Начальник конвоя взглянул на него с удивлением.

— Ты ничего не просишь для себя? — сказал он. — Сейчас у иудеев Пасха, и мы разрешим тебе все, что благоразумно...

Он засмеялся, и его люди дружно подхватили смех. В глазах Вараввы стояла тоска пойманного зверя.

— Сделайте это из милости, — пробормотал он. — Я тоже голоден и жажду, но Ганан слабее меня.

— Эй, тюремщик, накорми крикливого разбойника, — приказал офицер и, быстро повернувшись, стал во главе своего отряда, плотно окружившего Варавву. Все вышли из тюрьмы.

Глава III

Во дворе все остановились в ожидании, пока откроют ворота. Там, по ту сторону ограды, была свобода! Варавва издал хриплый стон и, задышавшись, поднес скованные руки к лицу.

— Что с тобой? — спросил один из конвоиров и ткнул его копьём в бок. — Не может быть, чтобы ветерок так подкосил тебя!

А Варавва и в самом деле зашатался и упал бы, если бы воины с руганью и проклятиями не подхватили его и не поставили на ноги. Лицо арестанта смертельно побледнело, белые губы над всклокоченной бородой скривились, он едва дышал.

Офицер все понял.

— Дайте ему вина! — сказал он кратко.

Приказ был тотчас исполнен. Но зубы обессилевшего узника были стиснуты, и вино — каплю за каплей — пришлось насильно вливать в рот. Скоро грудь Вараввы поднялась с глубоким вздохом возвращающейся жизни, глаза широко раскрылись.

— Воздух, воздух! Чистый воздух! Свет! — восторженно стонал он. Потом, почувствовал прилив сил от выпитого вина, рассмеялся. — Свободен! Я свободен!

— Замолчи, собака! — прервал его восторги офицер. — Кто тебе сказал, что ты свободен? Посмотри на наручники и отрезвись. Вперед, солдаты!

Тюремные ворота со скрипом выпустили их, и равномерный шаг конвоя и спотыкающийся — арестанта эхом отдавался на улицах, по которым они проходили, а затем и под сводами подземного хода, ведущего прямо в зал суда. Ход этот был длинный, каменный, освещаемый такими тусклыми светильниками, которые, казалось, только усиливали глубокую темноту подземелья.

Мрак здесь был почти такой же, как в темнице, и Варавва запинался на каждом шагу. Чудное видение свободы улетучилось. Его вели на казнь. Какого милосердия мог ожидать преступник от могущественного Пилата, прокуратора Иудеи, убив одного из немногих в этой стране друзей римского правителя?

Будь он проклят, этот фарисей! Его манеры, его самодовольную улыбку, его холеные руки с огромным перстнем на указательном пальце, все детали роскошной, пышной

одежды, осанку, отличавшую его от других людей — все это Варавва вспомнил с отвращением. Ему опять представился тот момент, когда, сваленный на землю сильным, точным ударом ножа, фарисей лежал, обливаясь кровью; в лунном свете глаза Габриаса казались белыми от переполнявшей его ненависти к убийце.

Насильно отнятая жизнь взывает о мести! Варавва это понимал. Но казнь, применяемая к опасным преступникам, была так страшна, так жестока, что Варавва содрогнулся от предчувствия предстоящих ему страданий. Если бы, как убитый км фарисей, расстаться с жизнью в одно мгновение! По быть растянутым на деревянных брусках и часами мучится под лучами палящего солнца — одной мысли об этом было достаточно, чтобы привести в ужас даже храброго человека!

Поэтому Варавва с трудом переставлял ноги. Голова его кружилась, глаза слезились, в ушах гудело. В приближающемся сое разъяренной толпы он слышал свое имя.

Встревоженный, арестант стал заглядывать в лица солдат, но по их невозмутимым чертам не мог узнать свою участь. Сквозь бряцание оружия и шум шагов снова слышалось: «Варавва, Варавва». Очевидно, жестокая толпа, как всегда, требовала казни. Для озверевшей толпы нет ничего приятнее агонии человека. Ничто не вызывает такого злорадного смеха, как отчаяние и страх жертвы, приговоренной к мучительной, медленной казни на кресте!

От этой мысли крупные капли пота выступили на лбу арестанта. Медленно двигаясь вперед, он молча молил о внезапной смерти. Но ему предстояло быть объектом насмешек толпы, ждущей чужой смерти как развлечения.

Все ближе становился гул, прерываемый паузами молчания, и во время одного такого затишья путешествие подошло к концу.

Арестант и стражники оказались в огромном зале, разделенном на два квадрата, один почти пустой, дру-

гой плотно заполненный людской массой, которую с трудом сдерживал от проникновения в просторную половину римский отряд с центурионом во главе.

Когда появился Варавва в окружении конвоя, ни один взгляд любопытства или участия не обратился к нему. Внимание народа привлекал другой Узник, Какого еще не бывало в человеческом судилище. Допрашивали такого Обвиняемого, Который никогда не давал ответа смертному человеку...

С чувством облегчения Варавва начал сознавать, что, пожалуй, его страхи были напрасными. Никто не требовал его казни. Заразившись всеобщим напряженным любопытством, он, насколько мог, вытянул шею, чтобы лучше следить за происходящим.

Под роскошным судейским балдахином восседали члены синедрона. Некоторых из них Варавва знал: первосвященника Каиафу и его родственника, тоже первосвященника, Анну. Но среди высокопоставленных лиц он с удивлением увидел маленького, худенького, сморщенного менялу, известного всем в Иерусалиме и всеми проклятого за бессовестное ростовщичество и жестокость.

«Как сюда попал этот подлец?» — подумал Варавва.

Потом его глаза остановились на человеке, чье строгое лицо не раз являлось ему в тюрьме. Понтий Пилат, наместник римского цезаря, суровый посредник между жизнью и смертью, выглядел бледным и очень усталым. Черты лица его застыли, но рука теребила осыпанную драгоценными камнями печать, висевшую на груди; под низко спадавшими складками судейской мантии одна нога в сандалии нетерпеливо постукивала по полу.

Хотя сегодня Пилат больше походил на грустного вельможу, чем на жестокого тирана, все же строгий профиль и твердость поджатых тонких губ прокуратора не предвещали никакого мягкосердечия.